

Milon, Josef

**Чешские переводы русских антиутопических произведений (от
Замятина до Кабакова)**

Новая русистика. 2012, vol. 5, iss. 1, pp. [47]-53

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/125496>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Йосеф МИЛОН
(Брно)

Чешские переводы русских антиутопических произведений (от Замятина до Кабакова)

The Czech Translations of Russian Anti-Utopian Works (from Zamyatin to Kabakov)

Presented paper deals with the Czech translations of Russian dystopian texts. It gives overview and analysis of the Russian short stories and novels, that become – due to their translations – well-known in the Czech cultural sphere. Distinct attention to the Evgenyi Zamyatin's novel *We* is given. The article is focused on the explanation of the term „dystopia“ in different geocultural locations, especially in the Czech and Russian tradition, too.

Key Words: Zamyatin; Kabakov; *We*; Czech translations; anti-utopia

На первый взгляд можно было бы сказать, что русская антиутопическая литература¹ в Чехии сегодня практически не рефлегируется: её не издают, о ней не говорят, её не читают. Ситуация, конечно, не столь трагична, так как интерес к русской литературе, в общем-то, опять возвращается и повышается. Среди массы издаваемых ныне произведений можно найти, хотя и немногих, представителей антиутопического жанра. Тут же можно опереться на репрезентативные, изданные в 80-е годы XX века, антологии переводов русских фантастических рассказов² и на всю традицию чешских

¹ Название жанра в разных литературах разное. В английской среде зачастую появляется термин дистопия (dystopy), в русской среде принято говорить об антиутопии. Некоторые чешские литературоведы работают с термином «негативная утопия», что соответствует пониманию Замятина.

² *Magický krystal* и *Stroj času*, см. ниже.

переводов русских антиутопических или фантастических произведений от Замятина, Платонова, Брюсова и Булгакова до братьев Стругацких. Автор настоящего доклада стремится проанализировать историю интереса чешских литературоведов, переводчиков и читателей к русской антиутопии.

Говоря об антиутопии, следует уточнить, существует ли она как самостоятельный литературный жанр. Симптоматично, что определение антиутопии обычно даётся через утопию. С такой концепцией работают чешские словари литературной теории³ и русские монографии, касающиеся утопической/ антиутопической литературы в целом.⁴ Итак, соединяются два литературных жанра, которые, по нашему мнению, тесно связаны друг с другом. Так как утопия даёт представление о мире, которого нет, а антиутопия о мире, которым он бы мог быть, взаимоотношение и взаимосвязь обоих «миров» ясна. Связанность утопии и антиутопии чувствовал и Евгений Замятин, который «дал определение антиутопии как утопии со знаком минус.»⁵ В центре антиутопического произведения стоит некий иной мир, в котором, как правило, происходит какой-то глобальный процесс, оказывающий влияние на общество. История изображения «другого» государства, другого упорядочения общества уходит корнями ещё в Древнюю Грецию, в *Государство* Платона, который «изобразил тоталитарное милитаризованное иерархическое общество с неограниченной верховной властью».⁶ Само слово *утопия* появилось у Томаса Мора в произведении с одноимённым названием в 1516-м году; (анти)утопическая традиция продолжается в творчестве Рабле, Сервантеса, Свифта, Руссо – и приходит к Чернышевскому, Замятину, Чапеку, Уэллсу, Оруэллу, Петрушевской, Кабакову. Множество текстов, имеющих подобный характер, связанный с негативистским изображением общества, процессов, направленных на подавление свободы человека, даёт возможность говорить об антиутопии как о жанре. Иногда антиутопия воспринимается как часть научной фантастики или фантастической литературы в общем. Такой же подход осуществляется в некоторых чешских словарях литературной теории, которые дают дефиницию утопии как «жанра фантастической литературы, изображающего альтернативную модель общественного порядка в придуманном мире».

³ Справ: Mocná-Peterka: *Encyklopedie literárních žánrů*. Praha 2004; Š. Vlašín (ed.): *Slovník literární teorie*. Praha 1977; L. Pavera.–F. Všetická: *Lexikon literárních pojmů*. Olomouc 2002.

⁴ Л. М. Юрьева: *Русская антиутопия в контексте мировой литературы*. Москва 2005; Б. Ф. Егоров: *Российские утопии : исторический путеводитель*. Санкт-Петербург 2007; М. И. Шадурский: *Литературная утопия от Мора до Хаксли : проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова*. Москва 2007.

⁵ Л. М. Юрьева: *Русская антиутопия в контексте мировой литературы*. Москва 2005, с. 18.

⁶ Там же, с. 4.

Чешские переводы русских антиутопических произведений

манной стране».⁷ Кажется, что воплощение мира в утопии и антиутопии практически тождественно, однако в антиутопии оно приобретает иронический, гротескный, сатирический, критический оттенок. Так, например, роман Е. Замятина *Мы* обозначали как утопию, но сегодня принято называть его антиутопией. Всё это указывает на то, что грань между утопией и антиутопией тонка и неясна, и в этом плане интересно проследить их контактные площадки и жанровые границы.⁸

История переводов с русского языка на чешский начинается в XVIII веке. Первым переводом, появившимся в печати, была ода Михаила Матвеевича Хераскова в переводе чешского князя, писателя и переводчика Антонина Ярослава Пухмаера (Antonín Jaroslav Puchmajer, 1769–1820) в 1795-м году. По всей вероятности, первая русская (анти)утопия *Путешествие в землю Офирскую* Михаила Михайловича Щербатова, написанная в 1784-м году (издана в 1891-м году), на чешский переведена не была. Писатель дал в ней сатирическое видение государства, во главе которого находится государь и высшее дворянство. Остальные люди, остальные классы не имеют доступа к высшей власти. Невозможность вертикальной миграции является одной из важных черт последующих антиутопий, авторы которых, подобно Щербатову, выражают нравственный призыв и предостережение перед тоталитарным общественным строем, лишенным личной свободы.

Владимир Фёдорович Одоевский уже в 40-е годы XIX века пишет рассказы с фантастической тематикой (например, *Косморама*⁹); незаконченным остался его утопический роман *4338 год*. Интерес чешских переводчиков к текстам Одоевского длился более ста лет. Его главное литературное произведение – *Русские ночи*¹⁰, изданное в 1844-м году, – появилось на чешском только в 1981-м году.¹¹ *Русские ночи* представляют собой цикл рассказов разного типа. Одоевский интересуется вопросами искусства (*Последний квартет Бетховена*, *Себастиан Бах*), а также особой философией, в которой он рефлектирует своё идейное развитие от романтизма к вере в силу естественных наук. Одной из частей является критика общества и, одновременно, интересная мысль об ошибке природы, допустившей увеличение количества людей на Земле и притом не успевшей привести человека и природу в гар-

⁷ Močná-Peterka: Encyklopedie literárních žánrů. Praha 2004, s. 666. [Перевод с чешского: автор доклада].

⁸ I. Pospíšil: *Genologie a proměny literatury*. Brno 1998, s. 18.

⁹ Название напоминает научно-фантастическую тетралогию английского писателя А.С. Кларка „Встреча с Рамой“ 1973-го года.

¹⁰ Однако некоторые части *Русских ночей* появились чуть раньше. Например, *Последний квартет Бетховена* был впервые опубликован в альманахе Северные цветы. Над *Русскими ночами* Одоевский работал с 20-х годов.

¹¹ V. F. Odojevskij: *Ruské noci*. Praha 1981.

моническое единство. Тематика переполненности Земли и решение этой проблемы – одна из характерных черт антиутопических произведений, в связи с чем выступает чёткое видение Одоевского. Ироническая идея «уменьшения» Земли открывается в пассаже *Русских ночей*, в котором анализируется прогресс в железнодорожном движении, при помощи которого происходит процесс массовой миграции и одновременной унификации жизненного стиля, в результате чего путешествие оказывается лишним. Благодаря тематике возможностей быстрого передвижения Одоевский стал предшественником последующих авторов фантастической литературы (например, Ж. Верна). Коллективизированная, унифицированная жизнь является, между прочим, одной из важных черт романа *Мы* Е. Замятина и других удачных в художественном отношении антиутопий (Хаксли, Оруэлл). Кроме *Русских ночей*, тексты Одоевского появились в чешском переводе и в сборнике фантастических, утопических рассказов *Magický krystal (Magický krystal)*¹² в 1982 г. Это *Два дни в жизни земного шара (Dva dny v životě planety Země, 1828)* и *Город без имени (Město bez názvu, 1839)*. В рассказе *Город без имени* Одоевский показывает антиутопическое видение ультрадемократического капиталистического общества, в котором утилитаризм и польза стали единственным законом. Вероятно, в *Городе без имени* впервые в русском языке появляется слово «эксплуатация» в смысле английского *exploitation*, т. е. «присвоение результатов чужого труда теми, кто владеет средствами производства».¹³

Валерий Брюсов также писал произведения антиутопического характера. Множество текстов Брюсова остаётся до сих пор в архивах, однако информацию об антиутопических текстах дала бременский литературовед Дануше Кшицова, которая на языке оригинала опубликовала пьесы *Земля и Диктатор*. В пьесе *Диктатор* (1921) и в неоконченном рассказе *Восстание машин*¹⁴ (1908) можно найти тему, аналогичную затронутой чешским писателем Карелом Чапеком в драмах *P.U.P. (R.U.R., 1920)*, *Белая болезнь (Bílá nemoc, 1937)* или в романе *Война с саламандрами (Válka s mloky, 1936)*: это предостережение против диктатуры, тоталитаризма, несвободы. Рассказ в публицистическом стиле *Республика Южного Креста* (1905, на чешский не переведен) продолжает линию творчества Э. А. По. Здесь можно найти вдох-

¹² *Magický krystal : ruské utopicko-fantastické příběhy*. Praha 1982.

¹³ Определение с сайта Gramota.ru (<http://www.gramota.ru>). Одоевский в *Русских ночах* определяет слово «эксплуатация» как «наживку на счёт близкого» [цитата по электронной версии на сайте http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_0074.shtml].

¹⁴ Текст с похожей тематикой и названием написал во время своего пребывания в Германии Алексей Толстой: *Бунт машин* (1923).

Чешские переводы русских антиутопических произведений

новляющую линию между Брюсовым и Замятиным, который далее повлиял на антиутопию Дж. Оруэлла 1984.¹⁵

Эмблематический (с точки зрения антиутопии) роман Евгения Замятина *Мы* является неотъемлемой частью антиутопической триады *Мы – О дивный новый мир – 1984* (Замятин-Хаксли-Оруэлл)¹⁶, первоначальным и вдохновляющим произведением для целого ряда антиутопий. Конструктор судов Замятин работал над своим романом с 1920-го года, но на территории России роман появился в печати лишь в 1987-м году. Чешский читатель мог прочитать *Мы* уже в 1927-ом году, когда был опубликован перевод Вацлава Кенига.¹⁷ Первые главы, однако, стали появляться на чешском уже в 1926-м году на страницах брненской газеты *Lidové noviny*. Сокращённую версию романа опубликовал пражский журнал русской эмиграции *Воля России* на русском языке в 1927-м году.

Интерес чешских литературоведов к творчеству Замятина (и особенно к *Мы*) документируют целый ряд теоретических текстов¹⁸ и новый перевод 1989-го года.¹⁹ Хотя Замятин написал множество интересных текстов (*На куличках*, *Бич Божий*, *Ловец человека*, *Островитяне*)²⁰, роман *Мы* стал его самым известным произведением, символом, прототипом антиутопического видения мира, предостережением против неправильного пути человечества в направлении к тоталитаризму. Кроме социолого-политических вопросов, Замятин также обращает своё внимание на технологический прогресс, так как «*вопрос реализации тоталитарной утопии в первую очередь – вопрос совершенной технологии*».²¹ Благодаря своей антиципации технологии будущее-

¹⁵ Подробно об антиутопиях В. Брюсова см. D. Kšicová: *Antiutopie Valerije Brjusova*. В кн.: *Zborník filozofickej fakulty Univerzity Komenského*, Philologica LVII. Bratislava 2003.

¹⁶ Можно было бы назвать множество других интересных текстов с антиутопической тематикой, например, *451° по Фаренгейту* Р. Д. Бредбери или *Заводной апельсин* Энтони Берджесса.

¹⁷ J. Zamjatin: *My*. Praha 1927. Přel. Václav Köning (Koenig).

¹⁸ См. напр. I. Pospíšil: *Zamjatinovo prokletí proměny*. В кн. J. Zamjatin: *Bič boží*. Brno 1999; M. Drozda: *Energie proti entropii*. В кн. J. Zamjatin: *My*. Praha 1989; I. Ryčlová: *Ruské dilema: Společenské zlo v kontextu osudů tvůrčích osobností Ruska*. Brno 2006, s. 89–107; R. Žák: *Román Jevgenije Zamjatina My v kontextu ruské a světové antiutopie do roku 1950*. Brno 1999 [рукопись дипломной работы].

¹⁹ J. Zamjatin: *My*. Praha 1989. Přel. Vlasta a Jaroslav Tafelovi.

²⁰ Новелла *На куличках* переведена на чешский как *Zapadákov*. Praha 1970. Přel. Josef Sedlák; роман *Бич Божий* переведен как „*Bič boží*“. Brno 1999. Přel. Jiří Sedlák; тексты *Ловец человека* и *Островитяне* на чешский переведены не были.

²¹ I. Pospíšil: *Zamjatinovo prokletí proměny*. В кн.: J. Zamjatin: *Bič boží*. Brno 1999, s. 298. [Перевод с чешского: автор доклада].

го в «Едином Государстве»²² Замятин стал визионером, и его мысли об обществе, которое наблюдает за каждым шагом своих членов, в современности успешно реализовались. Также его изображение Благодетеля повлияло на Оруэлла, который в своём романе *1984* создал Старшего брата.²³

Альтернативную, идеализированную модель общества изображает также Андрей Платонов, который в своих произведениях комбинировал мифологический уровень с мыслями об утилитаризме в революционной теории и практике, которые превращают человека в колёсико дегуманизированной зубчатой передачи и в куклу в руках правителей. Такое изображение общественного строя можно найти у Замятни и у Чапека, Уэллса, Берджесса. Возникшая в 1928–29 гг. новелла *Чевенгур* о строительстве утопического города в духе коммунистических идеалов появилась в чешском переводе только в 1995-м году,²⁴ рассказ *Джан*, возникший в 1933–35 гг., который в России публиковался во времена хрущёвской оттепели, на чешский был впервые переведен в 1967-м году.

Алексей Толстой тоже писал произведения с фантастической тематикой. Его *Гиперболоид инженера Гарина* (1925–1927) на чешском появился впервые уже в 1927-м году. Рассказ Толстого *Аэлита* включен в собрание избранных русских фантастических рассказов в чешском переводе *Stroj času*.²⁵

Антиутопии другого типа, суть которых состоит в более глубинном интересе к человеку, к его личной трагедии, пишет Людмила Петрушевская. Её работы, за исключением трёх драм, переведены на чешский язык не были. Своего перевода ждёт и антиутопическая новелла *Новые Робинзоны*.

Русский писатель, публицист и литературовед Александр Кабаков стал известным благодаря своей антиутопической новелле *Невозвращенец*, которая была издана в 1993-м году, однако появилась уже в 1990-м на страницах журнала Искусство кино. Своими качественными параметрами она может сравниться с антиутопиями Замятина, Хаксли, но до сих пор она не нашла своего чешского переводчика. В ней автор даёт апокалипсический образ Москвы будущего после глобального процесса, названного «Радикальная Революция». Главный Герой, по образцу персонажей плутовских романов, прохаживается по руинам столицы России, и его единственной целью является собственная польза и желание выжить.

Русские писатели Владимир Сорокин и Павел Крусанов изображают в своих антиутопических произведениях альтернативную модель России

²² Интересная параллель заключается в том, что современная русская политическая партия президента Путина называется «Единая Россия».

²³ В русских переводах также можно встретить вариант *Большой брат*.

²⁴ A. Platonov: *Čevengur*. Praha 1995. Přel. Anna Nováková.

²⁵ *Stroj času*. Praha 1986. Этот сборник содержит, например, рассказы К. Паустовского, А. Грина, Г. Шахова и других.

Чешские переводы русских антиутопических произведений

и возвращаются в прошлое, чтобы по-другому перейти к современному и будущему. Работы В. Сорокина, прежде всего его романы *Очередь* (*Fronta*, 2003, перевёл Якуб Шедивы – Jakub Šedivý) и *Тридцатая любовь Марины* (*Třicátá Marinina láska*, 1995, перевёл Либор Дворжак, Libor Dvořák), чешскому читателю известны по переводам, так же как и антиутопия *День опричника* (2006) в первоклассном переводе Либора Дворжака. Павел Крусанов тоже не слишком известный автор в Чехии, хотя его роман *Укус ангела* (2004) заслуживает перевода.

Можно было бы, конечно, назвать и других авторов антиутопий и фантастических произведений – Константина Паустовского, Александра Грина, братьев Стругацких, Татьяну Толстую и многих других.

Как видно, интерес чешских переводчиков к русской антиутопии как бы ослабляется. Ранние произведения этого типа были переведены практически сразу после издания в оригинале, но современные тексты ждут значительно дольше. Связано это, по нашему мнению, с уменьшением числа активных переводчиков и с девальвацией книжного рынка, на котором сейчас появляются тысячи разных произведений. Репрезентативные антологии русской фантастической и антиутопической литературы, *Magický krystal* а *Stroj času*, уже устарели. Время от времени можно найти отдельные переводы фантастических рассказов, таких, как, например, рассказ Андрея Волоса *Момент бифуркации*, который для книги *Anotologie ruských povídek* (Brno, 2007) под названием *Bifurkační body* перевела Мартина Веберова.

Жанр антиутопии, вероятно, меняется. Меняется не столько сама суть антиутопических произведений, сколько мир, окружающий писателей. Некоторые видения бывших создателей антиутопий претворились в жизнь. Технологический прогресс способствовал ещё большему уменьшению планеты; экономика, политика и культура ставятся все более и более глобальными. Осталась ли ещё тематика, благодаря которой могли бы возникать новые антиутопии? Думается, что да. До тех пор, пока в людях остаётся глупость, ненависть, тоталитарные идеи, корыстолюбие, пока личной свободе будут предпочитаться глобальные интересы, будет присутствовать и пространство для литературного предостережения в виде антиутопий. Территория России всегда была склонна к тоталитаризму, сильному монарху, что продолжается и в современности. Итак, проза Петрушевской, Кабакова, может быть, будет иметь своих последователей. Видно это и в антиутопиях В. Сорокина и П. Крусанова. Ответственность за передачу этих интересных книг возложена на переводчиков, в том числе и на чешских, а ответственность чтения, конечно, – на читателей, если у них будет возникать интерес к чтению нелегких произведений.

